129ф. 31

Март. МОСКВА—1921 г. Цена 25 руб.

№ 11-12 „ВОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ“ № 11-12

ВСЕРОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ АНАРХИСТОВ-КОММУНИСТОВ.

Редактор **А. А. Карелин.**

Москва, 1-й Дом Советов, комната № 219.

СОДЕРЖАНИЕ: Памяти Учителя (Стихотвор.)—*Роб. Эрманд.* Предшественники и последователи *П. А. Кропоткина* в учении о взаимопомощи—*А. Кочегаров.* Светлый Сеятель (Стихотвор.) *О. Приморская. Кропоткин* и Анархизм—*Евг. Долинин.* Памяти *П. А. Кропоткина* (Стихотвор.)—*А. Тюханов.* Этический идеал *Кропоткина—А. Солонович.* На смерть *П. А. Кропоткина* (Стихотвор.)—*В. Бубенцов. П. А. Кропоткин—А. Атабекян.* Анархизм, как философия действия—*В. Хрусталев.* От Редакции.

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

П. А. Кропоткина.

Он отошел. Мятежные исканья
В душе отзывчивой угасли навсегда.
И скорби горестной полны переживанья:
Он не придет к нам больше никогда.

Среди тревог земных, страданья и гонений.
Огонь души его до гроба не погас.
Все тот же, жаждущий свободы и смятений,
Сказал всему- прости—сказал в последний раз.

То умер Прометей. Вот новая могила.
И снова мрак вокруг, немая тишина.
Страданий слышен стон. И снова поглотила
Всю жизнь отрадную печали глубина.

И всюду тьма. Но голос Правды вечной
Уже навек умолк и вновь не прозвучит.
Лишь отзвук прошлого созвучием предвечным
И дух его в других опять заговорит.

Его Грядущее Безсмертьем увенчает,
Из роз Анархии сплетет ему венок.
Пусть длится тьма, но звезды засияют
И будет жить в веках Апостол и Пророк.

Роберт Эрманд.

29ф.

Предшественники и последователи П. А. Кропоткина в учении о взаимопомощи.

Популяризировать работы П. А. Кропоткина, в виду ясности его мысли и слога, чрезвычайно трудно. Нередко популяризация выходит менее понятной, чем основное сочинение П. А.. Тем не менее, в первые месяцы после смерти нашего учителя не хочется писать что-либо, не связанное тесно с его великим учением. Я решился поэтому остановиться на предшественниках и последователях П. А. Кропоткина в его учении о взаимопомощи, в том учении, которое, несмотря на свирепые слова и поступки людей, имеет за собой глубоко научную подкладку. Нечего и говорить, что и предшественники, и последователи П. А. очень слабы по сравнению с нашим учителем, но от этого их мысли не становятся менее интересными. Наличность многочисленных цитат в этой статье об'ясняется как ее темой, так и недостатком времени для выполнения срочной работы.

Мы нередко встречаемся с указанием, что борьба за существование является необходимой предпосылкой прогресса, что такая борьба ведется в современном общежитии, почему оно и прогрессирует. Если же человечество организуется на анархических началах, то люди перестанут бороться друг с другом за материальные блага и власть, и тогда не будет прогресса.

Говоря все это, ссылаются на учение Дарвина.

Необходимо заметить, что выражение „борьба за существование" часто понимается без тех серьезных оговорок, которые приводил Дарвин в своих позднейших работах. „В своем последнем сочинении". Происхождение человека", – писал о Дарвине П. А.,—он писал даже несколько прекрасных, сильных страниц, чтобы выяснить истинный, широкий смысл этой борьбы. Он показал здесь, как в безчисленных животных сообществах борьба за существование между отдельными членами этих обществ совершенно исчезает и как, вместо борьбы, является содействие, (кооперация), ведущая к такому развитию умственных способностей и нравственных качеств, которое обеспечивает данному виду наилучшие шансы жизни и распространения. Он указал таким образом, что в этих случаях „наиболее приспособленными" оказываются вовсе не те, кто физически сильнее или хитрее, или ловчее других, а те, кто лучше умеют соединяться и поддерживать друг друга—как сильных, так и слабых—ради блага своего общества. „Те общества,—писал он,—которые содержат наибольшее количество сочувствующих друг другу членов, будут наиболее процветать и оставят по себе наибольшее количество потомства". (Второе английское издание. Стр 163.). В книге Ив. Делаж и М. Гольдсмит мы находим несколько интересных цитат из сочинений Ч. Дарвина:—„Социальные инстинкты,—писал этот ученый,—побуждают животных находить удовольствие в обществе своих товарищей, испытывать известную симпатию к ним и оказывать им различные услуги". У животных, пишет он,—для которых общественная жизнь была выгодной, индивиды, которые находили большое удовольствие собираться вместе, могли лучше избегать разных опасностей, тогда как те, которые менее всего заботились о своих товарищах и жили уединенно, должны погибать в

большом количестве". Выясняя взгляды Дарвина, только что названные авторы пишут: " нам кажется знаменательным, что, устанавливая психическую общность между человеком и животным, Дарвин установил общий для них закон, но не закон беспощадной борьбы за существование, а закон солидарности и взаимной помощи". Из этой же книги видно, что и Рибо указывал на появление общественных чувств в недрах обществ, состоящих из животных.

О социальных особенностях человека Ч. Дарвин писал, между прочим, следующее: „животные, обладающие большим ростом, свирепостью и способностью, подобно горилле, защищаться от каких угодно врагов, вряд ли могли стать общественными, а это существенным образом задержало бы приобретение высших духовных качеств, каковы симпатии и любовь к ближним. Поэтому, для человека происхождение от сравнительно слабого существа могло оказаться величайшим преимуществом. Малая сила и быстрота человека, отсутствие у него природного вооружения и т. п. уравновешиваются во-первых, его умственными способностями, посредством которых он изобрел для себя оружие, орудия и т. п., хотя оставался еще в первобытном состоянии; во-вторых, его социальными особенностями, побуждающими его помогать другим и пользоваться помощью ближних".

Нельзя согласиться с тем, что борьба за существование в обычном, узком смысле этого слова является фактором прогресса. Из борьбы раненым, искалеченным, обезсиленным нередко выходит победитель и его потомство является слабым. Напомним, между прочим, что наиболее сильные животные погибают в первую очередь при защите своих об'единений от нападений. Более сильные животные выступают в этих случаях на битву впереди более слабых. Борьба за существование не может считаться двигающей силой в деле развития организмов. По мнению Н. Г. Чернышевского, этой двигательной силой является „сумма влияний условий, благоприятных для жизни этого организма, за вычетом суммы влияний неблагоприятных, в числе которых одно довольно сильное есть борьба за жизнь". В свою очередь, Н. Д. Ножин—рано умерший выдающийся русский биолог—говорил: „Дарвин не видит, что борьба за существование не выгодна для развития, что она, сама по себе, есть лишь источник патологических явлений... Вся теория Дарвина, поэтому, может быть названа теорией гениального буржуа натуралиста". (Цит. по ст. М. Богдановича).

Любопытно, что и Ламарк указывал, что несогласие (в том числе и борьба конечно) отнюдь не является фактором прогресса: „в отношениях, существующих между индивидами или между различными обществами, которые организуют свои группы, соглашение во взаимных интересах делается основой блага,—как несогласие между этими интересами—основой зла".

Более, чем понятно, что многие следствия, которые являются результатом борьбы с неблагоприятными для жизни условиями, не могут способствовать прогрессу вида. Прогрессивная эволюция видов не может быть основана на периодах острого страдания. „Те, которые переживают голод или суровую эпидемию холеры, оспы или дифтерита, свирепствующих в тех размерах, которые наблюдаются в нецивилизованных странах, вовсе не являются ни наиболее сильными, ни наиболее разумными. Никакой прогресс не мог бы основаться на подобных переживаниях, тем

более, что все пережившие выходят из испытания с подорванным здоровьем, подобно экипажам арктических судов или гарнизонам крепостей, вынужденных жить в течение нескольких месяцев на половинных рационах и, по прекращении осады, выходящих с разбитым здоровьем и с проявляющейся впоследствии склонности к совершенно ненормальной смертности", писал П. А. Кропоткин.

Нет сомнения, что ужасающая по своим размерам эпидемия тифа и голодовка, которую в течение несколько лет переживает значительная часть русского населения, не дадут в конце концов преобладания в общежитии более сильных людей, переживших эти неблагоприятные условия, а дадут только еще большую болезненность и еще более ужасающую смертность *).

Из борьбы за существование сплошь и рядом ослабленным и ухудшающим свой род выходит победитель или индивид, переживший неблагоприятные для существования условия.

Что касается до людей, то известный биолог Гексли резко протестует против того взгляда, по которому борьба является фактором прогресса. „Есть, говорил он, — один гибельный вывод, делаемый из так называемой этики эволюции. Заключается он в понятии, совершенно ошибочном, что люди, путем борьбы за существование, могут достигнуть совершенства типа, так как в мире растений и низших животных борьба за существование и выживание наиболее приспособленных выдвинула вперед более совершенные организмы. Я думаю, что ошибочное применение биологического закона возникло вследствие прискорбной двусмысленности выражения „выживание наиболее приспособленного". Под словом „наиболее приспособленный" сторонники применения биологического закона в области сициологии понимают „лучший". Но между понятиями „наиболее приспособленный" и „лучший" далеко не всегда стоит знак равенства. Если бы, например, наша планета остыла, то „наиболее приспособленными" в растительном мире были бы низшие организмы, как лишаи или те микроорганизмы, которыми обусловливается розоватый цвет снега в антарктических широтах.

Люди охотно пользуются всякими, хотя бы и не выдерживающими критики, доказательствами для прикрытия эгоистических целей. Нетрудно догадаться, при каких обстоятельствах возникла мысль использовать дарвинизм для защиты современного общественного строя. „Противоречие между социально-реформаторскими демократическими стремлениями и воззрениями дарвинизма возникло, — пишет проф. Г. Геркнер, — благодаря тому, что некоторые дарвинисты, мало осведомленные в фактическом ходе экономической и социальной жизни, были настолько наивны, что

---

*) Очень уж не точно называть борьбою за существование, а тем более борьбою с природой те отношения, которые возникают между человеком и окружающей его средою. Мы не боремся с природой, а приспособляем ее для своих целей. В понятие „борьбы за существование" включаются, например, такие явления, как питание или произрастание на известной почве и при определенных климатических условиях одних и исчезновение других видов растений и пр. и пр.. Все это делает учение о „борьбе за существование" как о факторе прогресса, не научным. В задачу этой заметки не входит, впрочем, анализ всех тех явлений, которые образуют конгломерат, называемый термином „борьба за существование".

усмотрели в конкуренции в области капиталического индивидуализма "естественную" борьбу за существование, где все наиболее способные выходят победителями".

Борьба людей с людьми, которую мы наблюдаем в течении тысячелетий, принесла человечеству безконечно много зла и отнюдь не является предпосылкой прогресса. „Посмотрите в самом деле, как ведется борьба в недрах класса собственнников,—пишет проф. Ах. Лориа.—и вы убедитесь, что и здесь чаще всего торжествуют самые низкие грязные элементы, что и здесь победу обезпечивает не талант, а обман и лихоимство, которые являются вернейшими средствами, чтобы нажить несметные богатства". „В самом деле,—продолжает профессор,—ваимные отношения собственников и не собственников можно разсматривать, как форму борьбы за существование только с той оговоркой, что форма эта весьма специальная, соответствие которой среди низших организмов мы находим в борьбе паразита с его добычей, борьбе по характеру своему глубоко отличавшейся от той, которую ведут между собою независимые существа"... „дегенераты, о которых мы говорим, наследуют не одни лишь богатства, но и шансы на победу в борьбе за существование благодаря чему из этой борьбы выходят победителями не самые сильные, а самые презренные и духовно отсталые элементы". Конечно, животные не получают наследства, не делятся на капиталистов и на пролетариев. Лориа указывает, далее, что хромой в запряженный лошадьми карете скорее прибудет к цели, чем здоровый, но идущий пешком человек, „В экономической борьбе,—продолжает цитируемый автор,—эту роль кареты исполняет наследство, которое часто позволяет хромым быстро подвигаться по пути к счастию, оставляя далеко позади себя людей крепких, но располагающих одними ногами."

Заметим, кстати, что А. Уоллес не допускал мысли о том, что процес отбора устраняет в своевременном обществе низшие и более вырождающиеся человеческие типы. „В одной из последних бесед наших с Дарвином,—пишет Альфред Уоллес,—он высказал очень мрачный взгляд на будущее человечества на том основании, что при современной цивилизации, естественный подбор не играет никакой роли и что наиболее пригодные не выживают. Те, кто выживают и являются продолжателями человеческой расы только благодаря своему богатству, ни в каком случае еще не лучшие и не наиболее интеллигентные люди".

„Монополия богатства,—писал Энрико Ферри,—обеспечивает победу в борьбе за существование:—богачи живут дольше людей, плохо питающихся, хотя они и менее сильны".

Людвиг Крживицкий писал почти что буквально следующее: высшее положение, открывая дорогу сибаритству и физическим эксцессам, разрушает здоровье евгенистов, обособленных в отдельном сословии и ведет к вырождению последущих поколений. Римский патрициат подвергся полному физическому вырождению, а вслед затем и умственному. Аристократические роды в течении определенного времени вымирают. Современная плутократия в третьем или четвертом поколении гибнет". „Пон обращал внимание Спенсера на то, что английскому дворянству недостает благородной осанки. В Испании разсказывают, что когда в залу должен войти гранд, то можно было ожидать, что войдет выродок. Во Франции писали, что, видя массу лиц из аристократии можно пола-

гать, что мы находимся в обществе больных. Маркиз де Мирабо называет их пигмеями, засыхающими и плохо вскормленными растениями. (Т. Рибо)". (Людвиг Крживицкий. Психические расы. Опыт психологии народов. С. П. 1902 г. Стр 214.)

„Замечательно,— говорит проф. И. Г. Оршанский—что там именно, в тех пунктах земного шара, где эта форма борьбы (внутренней борьбы человека с человеком) достигла высокого напряжения, наприм*р, в центральной Африке, в центральной Австралии, эволюция человека, как физическая, так и духовная и социальная, не сделала больших успехов. Не смотря на богатые рессурсы природы, на большие массы населения в центральной Африке, где внутренняя борьба между человеком и человеком была сильна, культура остановилась на довольно низкой степени и замерла".

Борьба за богатство и власть ведет в современном обществе к победе безсовестных элементов, превращается в подбор развращенных и в вырождение как сильных, так и слабых личностей.

К слову сказать, война. в свою очередь, создает не сильных, а слабых. В армию берется сильная и здоровая молодеж, убивается и калечится. Вне армии остаются относительно физически слабые элементы, и эти слабые элементы дают слабосильное потомство.

А. Кочегаров.

Светлый сеятель.

(Памяти Петра Алексеевича КРОПОТКИНА).

Он из Рюрикова рода,
Но не сел он на престоле:
Светлый сеятель он в поле
Вечно сеял для народа
Зерна истинной свободы.

Сеял он в года лихие:
Русь стонала от царизма...
Светлый ангел анархизма
Улетел в края чужие,
Но любил свою Россию.

Зло военщины, казармы,
На Руси цвело на диво,
И цвела живая нива,
Но прошли по ней жандармы,—
Смяты всходы золотые...

Но колосья—иммортели
И зимой цвели в темнице...
Крылья огненой Жар—птицы
Вдруг разсеяли мятели,
Русь убогую согрели.

Пламя истинной свободы
Загорелось в старом мире...
Прочь властители в порфире!..

Светлых кузниц строим своды:
Куйте счастье, все народы...
Все чужие нам родные.
И под черными шелками
Путь украшенный цветами,—
Розы алые—живые:
Светлый сеятель в России...
Вдруг, сквозь крылья алой грезы,
Мрачно смотрит лик жандарма...
Давит прежняя казарма...
Снова казни и угрозы
Снова кровь и снова слезы...
Белый призрак—дух насилья,
Где то близко—дух царизма
Гаснет рыцарь Анархизма:
Смерть над ним раскрыла крылья,—
Тщетны медиков усилья...
Умер он—осиротели...
Никнет траурное пламя...
Не поникнем только сами:
Смело, гордо, сквозь мятели,
Мы пойдем к заветной цели.
Снова родина согрета:
На восток у нас оконце.
В нем горит живое солнце:
Золотая даль разцвета
Анархического лета.

Ольга Приморская.

Москва 11 февраля 1921 г.

Кропоткин и Анархизм.

Греческий философ Гераклит говорил когда-то, что „всякая гармония есть результат вечных противоречий". Нельзя сказать, что Бытие существует или не существует.—Оно находится в безконечном потоке вечного становления, вечного созидания.

Точно также и жизнь общественная, как и жизнь каждого человека полна, „трагических антитез", ибо в этой жизни встречаются утро и полдень, и ночь. Эти исторические утра характеризуют собою различные эпохи Возрождения, когда всякая творческая личность, (а также и общество) создает, в своем безудержном порыве, новые ценности, пишет на скрижалях истории, в своей творческой опьяняющей радости, новые заповеди. Это происходит тогда, когда каждый человек чувствует себя свободным гражданином земли, когда его творческие порывы не встречают на своем пути различных преград и препятствий.

Но встречаются также в этой многообразной жизни и „исторические сумерки", когда вся жизнь человеческая напоминают собою какой то невидимый хаос, в котором трепещет и содрогается всякая мысль, вечно ищущая свободы, света и радости; когда всякое усилие, направленное к достижению каких либо прекрасных и возвышенных целей, остается

безплодным. В эти исторические моменты господствуют всюду безсилие, скорбь и отчаяние. И только немногие личности являются в эти моменты ярко светящимися маяками, к которым стремится каждый человек, которого житейские волны бросили в холодную бездну исторического тумана. Только эти немногие личности освещают своим божественным светом эту угрюмую и молчаливую жизнь и ведут слишком жестокую и непримиримую борьбу с окружающей тьмою, насилием и заблуждением.

Но уходят и эти немногие, и вся жизнь после этого является еще более мучительной и ужасной. „Любимцы богов умирают рано“,—сказал когда-то Ницше.

К числу этих великих людей принадлежал и П. А. Кропоткин, всю жизнь свою посвятивший служению человечеству, великому идеалу добра и красоты. Вся его жизнь, наполненная глубоким внутренним содержанием, являлась какой-то „героической симфонией“ великой и благородной борьбы с торжествующим злом, на котором основаны все проявления нашей общественной жизни.

Его же личная жизнь могла служить самым ярким примером для всякого идеалиста, для всякого апостола Правды и Добра.

Поэтому, быть может, и склонил когда-то перед ним свою гордую голову один из величайших поэтов нашего времени Оскар Уайльд. В своих тюремных записках (Deproffundis) он называет его „вторым Христом идущим из России“и говорит также, что жизни более совершенной, чем жизнь Кропоткина, он не встречал никогда.

Точно также он завоевал себе самое видное место среди всех мыслителей и ученых нашего времени, ибо, обладая громадной эрудицией почти во всех отраслях знания, он устранил в этих отраслях знания различные глубокие аномалии и создал новую глубоко-научную социологическую систему—систему НАУЧНОГО анархизма. Кропоткин был для нашего времени тем, кем был в свое время для классической философии Иммануил Кант.

Всякая общественная мысль, как и мысль каждого человека, имеет свою историю, переживает свою эволюцию. Элементы анархической мысли мы встречаем еще в религиозных учениях древнего востока (Будда, Чарвака, Конфуций, Лао-Дзы), в учении циников, киренайков и стоиков (Антисфен, Диоген, Аристипп, Зенон, Эпиктет), в учении Эпикура, в раннем Христианстве, в некоторых философских системах эпохи Возрождения, в различных религиозных средневековых движениях, в учении Гельвеция, в английском утилитаризме и в утопическом социализме новейшего времени.

Если же анархический идеал не был идеалом господствующим, то это об'ясняется исключительно тем, что этот анархизм был слишком безпочвенным, был романтическим. Он был либо религиозным, либо схоластически—метафизическим, либо строго рационалистическим. (В последнем был грешен даже Бакунин).

Вот почему анархическая мысль—этот величайший критерий для „переоценки ценностей“—не могла завоевать себе права гражданства и пальму первенства среди всех социальных наук. Если даже величайшая истина не имеет под собою НАУЧНОЙ почвы, но базируется лишь только на обстракных, спекулятивных началах, то эта непреложная (кажущаяся) истина может обсуждатся с различных точек зрения, результа-

том чего и является противоположность выводов и заключений. Это было с учением Гегеля, это было с естественным правом, из которого вытекает, по мнению одних, всеобщая и индивидуальная свобода, а по мнению других—bellum omnium contra omnes (война всех против всех). Вот почему Гоббс и пришел к заключению о необходимости железной монархии, которая только и в состоянии обезпечить каждому индивидууму его естественную свободу, вытекающую из естественного права.

Среди всех анархистов продолжала господствовать вера в человеческий Разум, Добро, и Справедливость, как на присущие каждому человеку душевные качества, благодаря которым и вытекает вневременная и внепространственная возможность переустройства общества на новых началах—началах „всеобщего блага". И эта вера продожала господствовать и тогда, когда рушились уже основы всякого философского рационализма и социального оптимизма, когда всякая „метафизика нравов" уступала место научно-позитивному мышлению и эмпирическим системам.

Вот почему и можно сказать об анархизме прошлого словами Аннунцио: „Ты ветвь прекрасная, без цвета и плодов".

Величайшая и неоценимая заслуга П. А. Кропоткина заключается в том, что он создал систему НАУЧНОГО анархизма, отвечающего не только на вопросы жизни социальной, но охватывающего собою все проявления человеческого духа и человеческого познания и творчества. Своим глубоко-критическим умом он произвел слишком суровую, но вполне справедливую переоценку схоластико-анархической мысли, открыв анархические начала в законах биологии, антропологии, истории и зоологии.

Его учение о взаимной помощи среди людей и животных настолько научно и убедительно, что с ним не могли не согласится очень многие даже реакционые ученые—безчисленные ученики и последователи Дарвина, сумевшего слишком подробно осветить ХУДШУЮ сторону жизни—борьбу за существование (strugble for life).

Кропоткин осветил ту сторону жизни, которая стремится к Гармонии, интегральной свободе, к Новому Возрождению человеческой жизни и общечеловеческой культуры.

Анархизм, таким образом, после этой переоценки не является только философией, но является НАУКОЙ, широкой и всеоб'емлющей. Тот же, кто говорит в наше время о несостоятельности и ненаучности анархизма, не читал, очевидно, ничего,, кроме Талмуда, Корана или Евангелия.

И скептикам, и противникам анархизма Кропоткин доказал также, что анархизм стремится не к упрощению жизни, к чему стремились когда-то Ж. Ж. Руссо и Толстой, но стремится к более разумной и более высокой культуре. Анархизм имеет кое-что общее с учением Толстого и не имеет ничего общего с учением Руссо. Анархизм не декаданс, но вечный прогресс.

Если же Кропоткин и Толстой были проникнуты глубоким уважением друг к другу, то это еще не значит, что в учении великих людей нет никаких противоречий.

Так, например, такие великие люди, как Байрон и Шелли, в своих социально-философских убеждениях не имели ничего общего, но дружбы более трогательной и прекрасной не встретим мы, кажется, никогда.

Кропоткин был слишком ученым, слишком оригинальным, слишком самостоятельным. И никто не служил так долго человечеству, не сделал для него столько добра, чем этот Великий Разум—творец новейшего научного анархизма, этот ни кем не превзойденный человек.

Евгений Долинин.

Памяти П. А. КРОПОТКИНА.

Ушел он от бар к трудовому народу,
Оставил палаты и роскошь дворцов,
Набатом призывным к борьбе за свободу
Звучал его голос в сердцах у бойцов.
В речах его—отблеск возстаний, пожаров,
Он мыслью великой открыл идеал;
Огнем молодые сердца коммунаров,
И в сумрачной жизни всегда зажигал.
В борьбе и скитаньях все дни своей жизни.
Повсюду гоннмый, он звал нас к борьбе,
Холодные тюрьмы чужбин и отчизны
Не редко его хоронили в себе.
Он умер: и мы, его дети и внуки,
Сегодня наполнили скорбью сердца,
Но в них будут живы призывные звуки
Их в деле борьбы мы дойдем до конца.

А. Тюханов.

Этический идеал Кропоткина.

Бакунин в конце жизни мечтал написать этику. П. А. Кропоткин, кончая жизнь, кончал этику. Весь последний период жизни Толстого был посвящен этике. Глубоко знаменательно, что все они чувствовали необходимость в пересмотре, в преобразовании науки о ценностях—этики. Должна быть произведена переоценка ценностей, этот мотив встречает каждого, мыслителя от Ницше до П. А. Кропоткина, каждого, кто глубже задумывался над жизнью человечетва последних столетий.

И совершенно понятно, что наиболее остро эта проблема стоит перед тем, кто познал единственную реальную основу человечества—человеческую индивидуальность. В человеке лежит единственно возможная точка опоры для приложения рычага Архимеда, которым он хотел перевернуть землю. Тот, кто познал и принял всю силу утверждения человеческой свободы, тот знает, что нет в мире сил, которые могли бы принудить его к признанию того, чего он не хочет. И если даже он знает нечто, как „дважды два—четыре", он все-таки может не дать своей моральной санкции, хотя бы для этого, по выражению Достоевского пришлось головой биться об стену. Пусть сам Бог повелел мне, если я не хочу, то и Бог не заставит меня... Конечно, меня можно подкупить, устрашить, соблазнить и т. д., но все это чисто внешнее, все это не может заставить мемя внутренно признать нечто, чего я не хочу. Нет.

одним словом, ничего в мире, что могло бы заставить меня оправдать то, что я внутренно считаю злом, что для меня неоправдываемо. Я могу оправдать или не оправдать мир, принять или не принять его... И если я не хочу его, не приемлю мира, то и я не принадлежу ему; для мира я в таком случае потерян и кончаю ли я самоубийством, ухожу ли отшельником в пустыню или остаюсь прозябать в миру, подобный тени—я вычеркиваю себя из списка тех, кто может что-либо значить для мира...

Здесь не может помочь указание на то, что какая-то там необходимость заставляет человека быть деятельным, работать в жизни и т. д. Ну, что же. Пускай эта необходимость принуждает, но я-то проклинаю эту необходимость, я-то не оправдываю ее, не приемлю ее внутренно и считаю насилием... Я приложу все силы, все средства, чтобы одолеть эту необходимость и если даже я упаду в этой борьбе—я упаду осиленный, но не побежденный.

И лишь то, что внутри себя я признал, как добро лишь то, что, является выражением этого добра вне меня, лишь это я принимаю, признаю, оправдываю..

И сравнивая, исследуя все то, что я могу назвать добром, все то, что имеет для меня ценность, я прихожу к вопросу о высшей ценности, о высшем добре...

Среди этих ценностей Кропоткин указывает на полноту жизни, на полное раскрытие и выявление сил и гармонии, лежащей внутри индивидуальности. И в этом направлении он дал необыкновенно ценные результаты.

Индивидуальность должна быть цельной и сильной. Но предыдущее развитие человечества поставило эту проблему так, как она стояла у Ницше или в Марксизме. Сильным считался тот, кто был беспощаден, неумолим и свиреп, кто имел острые зубы и твердые когти, кто одолевал в борьбе за существование и в конкуренции на рынке, в борьбе классов или в борьбе индивидов. Всякая жалость, сострадание, а стало-быть братство и солидарность, взаимопомощь считались слабостью, не достойной индивида. У Ницше мы видим апофеоз человека-зверя, который находит счастье в холодной свирепости, ибо в этом он видит силу и мощь индивида. В Марксизме—роль индивида играет коллектив. Первый, идеолог частно-капиталистической психологии, второй—психологии государственно-капиталистической. Один утверждает беспощадность индивидуальную, а другой—коллективную.

Кропоткин с удивительной проницательностью понял и с громадной эрудицией доказал внутреннюю ложь такой точки зрения.

И прежде всего результат его работы в этом направлении можно формулировать как утверждение, что любовь, братство, сострадание есть сила, а не слабость, есть проявление великого могущества, а не признак дряблости, трусости и т. п.

Любовь это—полнота и тот, кто очень силен и очень богат, может делиться своим сочувствием с другими, может любить их... Любовь побеждает и творить как в мире животных, так и в мире людей. Одной ненавистью и устрашением, насилием и властью—нельзя ничего создать, можно только разрушить.

Но, далее, сильный человек ненуждается в увертках, во лжи, в лицемерии—он прямо и смело идет куда хочет, куда влечет его сознание им своего свободно принятого долга... Везде и всегда он остается самим

собой, ему не нужны маски и ширмы... Правдиво и гордо несет но вперед свое знамя, знамя любви ко всем людям... Ему нечего лицемерить, он слишком силен для этого... Но он знает также, что солнце той правды, к которой он идет, освещает его путь... И на этом пути это солнце освещает всех—„ и добрых и злых... Поэтому тот, кто придерживается правил, что ради идеала все средства хороши, что цель оправдывает средства, тот оказывается ярко освещенным и от этого освещения лишь сильнее проступает безобразие средств... Никогда хорошая цель не может выйти из грязных рук... Отсюда требование, которое П. А. Кропоткин пред'являет ко всякому революционеру—кристальная чистота до конца. Революционером может быть только идеально чистый человек... Человек же, стремящийся к революции не чистыми средствами—не революционер, а бандит и разбойник. .

Истинный революционер должен быть рыцарем без страха и упрека, и примером такого рыцарства является прежде всего сам П. А. Кропоткин, до конца жизни оставшийся верным тому знамени любви и чистоты, которое он впервые развернул еще в молодости.

А. Солонович.

На смерть П. А. Кропоткина.

Еще один угас великий Гений.
Не пощадила смерть отважного бойца...
Среди упорных битв, тревоги и сомнений
Примчалась весть и дрогнули сердца.
Он жил надеждою в победу идеала,
В победу истины над злобой и враждой,
Но вдруг подкралась смерть и жизни нить порвала
Своей невидимой, безжалостной рукой.
Пусть телом умер он, смежив на веки очи,
Но мысль великая в народе не умрет,
Она рассеет тьму зловещей, жуткой ночи
И новою стезей мир к счастью поведет.

В. Бубенцов.

П. А. КРОПОТКИН.

Умер Петр Алексеевич...

Умер человек, посвятивший всю свою жизнь, все свои силы, дарования и знания борьбе с господством человека над человеком, — умер в удручающей атмосфере беспредельного господства власти во всех областях жизни.

Человек, отдавший долгую трудовую жизнь бескорыстному служению угнетенным и обездоленным, был вынужден в последние свои дни, во время болезни, сведшей его в могилу, получать каждую кроху особой пищи, предписанной врачами, каждый прием лекарств, назначенных ими, и даже самую помощь врачей специалистов, не как добровольное приношение безчисленных друзей, воздающих крупицу должного за гигантский труд, а как „благоволение“ государственной власти.

Кажется, трудно себе представить более трагический конец для борца, верившего до последней минуты своего сознания в торжество личной самодеятельности над государственным принуждением. И все-же идеал учителя не померк от этой иронии судьбы. Подобно тому, как туман, стелящийся у подножия снеговой горы, не застилает ея сияющую в лучах солнца вершину, так государственный чад не в состоянии затемнить его идеал, потому что этот идеал воздвигнут на гранитной основе научной цельности,—на глубоком и разностороннем изучении не одного лишь народа, не одной только эпохи, а всей физической и общественной жизни земного шара. Не даром он смотрел на переживаемое нами в России время, как на эпизод в истории, как на „болезнь, которую мы должны изжить".

Другие посвятят подробные исследования жизни, научным трудам и общественной деятельности Петра Алексеевича; здесь, в этой краткой статье, я хотел бы лишь отметить общий ход его научных изысканий, их последовательную связь между собой, делающую эти изыскания особенно ценными не столько в своих детальных выводах,—научные выводы не могут быть закончены, как и сама наука,—сколько в приемах самих исследований и в вытекающих из них общих заключениях.

Первые свои научные труды П. А. посвятил физической географии и геологии, т.-е. изучению, так называемой „мертвой природы". Тогда впервые его наблюдательный ум обратил внимание также на живую природу и позднее он уделяет особые, обстоятельные расследования изучению одного из главных двигателей жизни на земле—„Взаимной помощи, как фактору эволюции". По своему научному значению в истории развития современного естествознания этот труд должен быть поставлен на ряду с „Происхождением видов" Дарвина, как по важности самих выводов, так и по богатому фактическому материалу, собранному им. Замечательно, что, подобно Дарвину, П. А. тоже не нашел возможности материальной издать своевременно весь собранный им фактический материал и до сих пор среди неизданных его трудов находится целый том дополнений к „Взаимной Помощи", ждущей очереди появиться в свет.

От биологии, приведшей П. А. естественным образом к познанию животных и человеческих обществ, он переходит к изучению хозяйственной жизни современных цивилизованных народов. Применяя и тут индуктивный метод естествознания, П. А., своим трудом „Поля, фабрики и мастерские", выводит политическую экономию с проторенного пути отвлеченных размышлений и априорных выводов о мнимой технической и хозяйственной централизации производства на путь прямых наблюдений. Если принять во внимание колоссальное зло, причиненное во все времена человечеству ложными идеями, то кто может взвесить весь вред, нанесенный русскому народу насильственным проведением в жизнь выводов из лже-научной политической экономии, — из лже-науки, которая порой даже оперирует пародиями на алгебраические формулы *).

Наконец, от хозяйственной жизни человеческих обществ П. А. переходит к изучению нравственных начал, руководящих ими, и посвя-

*) Как-то в тесном кругу приятелей Петра Алексеевича речь зашла об „алгебраических формулах" в Капитале Маркса и один из присутствовавших заметил: „Вот, если бы Маркс знал формулы кривых из высшей математики, то-то бы он пустил „научную" пыль в глаза наивным читателям.

щает последние годы своей жизни разработке вопросов той отрасли общественной психологии, которая называется **этикой**.

Этот труд в основных чертах он все-же успел закончить. Нет сомнения, что он посвятил-бы еще много сил дальнейшей разработке вопроса, если бы смерть не пресекла его жизнь. Не раз он говорил своим более молодым друзьям, пытавшимся выступать на литературном поприще: „Перечитывайте, обдумывайте каждое слово; я сам порой по 7—8 раз перерабатываю написанное, пока не найду удовлетворяющую меня форму выражения мысли“. Но все же **этику** можно считать законченным трудом. За несколько месяцев до своей смерти он, показывая мне рукопись в папке, говорил, что работа на столько подвинулась вперед, что ее можно будет издать, если его внезапно не станет.

Изучение физической природы, кишащей на ней жизни и затем хозяйственных и нравственных начал человеческих обществ — таковы научные основы, на которых Петр Алексеевич воздвиг идеалы современного анархизма.

Ал. Атабекян.

Анархизм, как философия действия.

(По П. Кропоткину).

В анархизме можно различать миросозерцание, программу и тактику. Среди анархических миросозерцаний учение Кропоткина выделяется своей оригинальностью, стройностью и тщательной научной разработанностью частей. Хотя оно не является общепризнанным среди анархистов, как учение Маркса у социал-демократии, тем не менее, каждый анархист, даже не принадлежащий к школе Кропоткина, должен признать, что в его учении анархическая мысль достигла своих вершин.

Анархизм, как программа, как положительное учение, более единообразен, чем как миросозерцание. И для разработки программы анархического коммунизма, намеченной еще Бакуниным, Кропоткин сделал очень много. Но больше всего он сделал для тактики анархизма. Правда, не Кропоткин, а Бакунин выработал тактику анархизма, но Кропоткин, об'единив и систематизировав положения, установленные Бакуниным опытным путем, создал анархическую философию действия. В этом отношении его заслуга пред анархизмом безмерна. Почти вся тактика современного анархизма опирается на его философию действия, которая авляется почти общепризнанной.

В основе анархической философии действия лежит *теория инициативного меньшинства* *), дополняемая теория прямого действия.

„Представители нарождавшихся идей всегда составляли меньшинство“. Инициативное меньшинство, опираясь на сочувствие широких масс, ста-

---

*) См. П. Кропоткин.—„Речи бунтовщика“ глава „Революционное меньшинство“.
М. Корн.—„Революционный синдикализм и анархизм“ стр. 61—63. Корн отмечает, что теория инициативного меньшинства является основной историко-философской идеей анархизма.
Г. Ибсен.—Комедия „Враг народа“.

вит большинство перед фактом осуществления своих идей, добиваясь таким образом их общего признания. Отсюда вытекает три следствия.

Во-первых, *непримиримость.* Меньшинство не должно подлаживаться под уровень понятий и привычек большинства. Оно должно идти прямо к цели, „бросая лучи вдохновенных примеров“, чтобы увлечь за собой отсталых. Именно за эту непримиримость, за отрицание минимальных программ, за попытку немедленного осуществления социализма и похвалил Кропоткин октябрских большевиков в своем письме к заграничным товарищам. Непримиримость анархизма об‘ясняется отсутствием у него программы-минимум и ненависть к урезанным требованиям.

Во-вторых, *антидемократизм.* Считая меньшинство передовым элементом, анархизм отрицает самый принцип демократии: подчинение меньшинства большинству. Вот почему анархисты бойкотируют представительные органы большинства—городские думы, парламенты, учредительное собрание и не доверяют даже всенародным голосованиям (т.-е. референдуму или плебисциту). Большинство только санкционирует завоевания меньшинства, которое ведет общество по пути прогресса.

В-третьих, принцип *свободного соглашения*, в качестве основного принципа анархической политики. Считая меньшинство передовым элементом общества, анархизм и внутри своих организаций стремится обеспечить свободный почин меньшинства. Поэтому анархизм признает только добровольную организацию, признающую право выхода для всех не согласных. Далее, пренебрегая количественным соотношением сторонников того или иного мнения, анархизм отрицает метод решения вопросов путем голосования. Или соглашение и единогласие, если противоречия примиримы, или открытый раскол, если они не примиримы. Наконец, об‘единение групп происходит на началах конфедерализма и автономии, ради предоставления права инициативы любой части об‘единения.

Необходимым дополнением теории инициативного меньшинства является теория *прямого действия***.

Меньшинство действием увлекает за собою большинство, отрицая всякие способы принуждения его пробуждая и воспитывая его самодеятельность. Отсюда вытекает три следствия.

Во-первых, идея *пропаганды действием,* примером. Меньшинств непосредственно претворяет свою волю в жизнь. Оно, своим примером, показывает как следует действовать, пользуясь методом наглядного обучения своей програме и тактике. Действие, пример, заставляет массы задумываться над привычными вещами и отношениями, способствуя развитию их сознания. Наконец, действия возбуждают революционное чувство, ибо „смелость так-же заразительна, как и паника“.

Во-вторых, *отрицание диктатуры.* Если власть увлекает массы своей инициативой, то она не нужна. Если-же власть силою принуждает массы следовать ее указаниям, подавляя свободную инициативу масс,-то она вредна. Принуждение вызывает противодействие со стороны масс и приводит к противоположным результатам, возбуждая противоположные

**) См. П. Кропоткин—„Речи бунтовщика“ главы: „Дух возстания“, “Революционное правительство“.
П. Кропоткин—„Анархическая работа во время революции“.
Теория прямого действия разработана в синдикалистской литературе.
Художественное воплощение идеи пропаганды действием мы находим в драматической поэме Г. Ибсена „Бранд“. В. Х.

стремления и изолируя меньшинство. И анархизм отрицает всякое принуждение в вопросах общественного строительства. Вот почему Кропоткин советовал товарищам не участвовать в советах и других органах диктатуры. „Мы знаем, что сила наших организаций заключается в следующей основной формуле: только свободная инициатива народа может создать что—либо ценное и прочное, а всякая власть стремится убить эту инициативу“.

В-третьих, идею *самодеятельности масс.* Народ, увлекаемый примером инициативного меньшинства, сам строит свою жизнь, руководствуясь своим опытом и знанием. Народу принадлежит только то, что он сумеет сам захватить в борьбе и удержать своею силой, или создать, расчитывая только на собственные силы. Ему принадлежит только то, что он сам для себя сделает. Вот почему Кропоткин так расчитывал на профессиональное движение и кооперацию.

В. Хрусталев.

От редакции.

Присланные письма и телеграммы отдельных тт. и различных организаций, с выражением соболезнования по поводу смерти П. А. Кропоткина, не могли быть помещены в настоящих №№ журнала, по независящим от редакции обстоятельствам.

Б

Р. В. Ц. Москва, 31-я Тип. М. С. Н. Х. Никольская, 1—3.